

УДК 930.85

ВУЗОВСКИЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ КПСС КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТ «ТРЕТЬЕГО» БОЛЬШЕВИЗМА

В.М. Бухараев

Аннотация

В статье предпринимается исторический и социолингвистический анализ дискурсивных практик вузовского учебника по истории КПСС – одного из основных идеологических текстов послесталинского – «третьего» – большевизма, акцентируется внимание на контекстуализации этого официального скрипта. Рассмотрение эволюции содержания «Истории КПСС» – наследника «Краткого курса истории ВКП(б)» на протяжении 60-х – первой половины 80-х годов – подводит к выводу о складывании идеологизированной лингвокультуры, отражающей тенденции развития советско-партийной системы, связанные, в свою очередь, с приватизацией элитными группами «общенародной собственности» под «чужим флагом». Тем самым предпринимается ещё один шаг на пути разрывывания исследований российского общества XX века в социокультурном измерении.

Ключевые слова: «места исторической памяти», дискурсивный анализ, идеологизированная лингвокультура, контркультура, «эзопов» язык, социальная сделка, «большой стиль», гештальт-образ, учебный текст по истории, социолингвистический анализ, миф «ленинской правды», коммунизм как ключевое слово советского марксизма.

Сдвиги от языка к опыту, которые в последнее время происходят в историографии и теории истории (о чём свидетельствует, в частности, выдвижение на передний план таких концептов, как «память», «места исторической памяти», «травма» и др.) неизбежно понижают эвристическое значение проблем языкового отображения исторических процессов. Впрочем, этот новейший теоретический скепсис оказывается неуместным, когда речь идёт об истолковании процессов формирования культурно-исторической идентичности посредством учебной исторической литературы: «Изучение современных учебных текстов по российской истории с помощью процедур дискурсивного анализа дает возможность выявить в них признаки формульного построения познавательной матрицы, определить принципы отбора и означивания ключевых слов-концептов. Дискурсивный анализ позволяет обратить внимание не только на черты риторической общности исторического нарратива, но и на способы формирования концепций истории России, условия их трансляции и закрепления в историческом образовании» [1, с. 67–68].

Разумеется, социолингвистический анализ может и должен быть обращён на учебники истории прошлых времён, в том числе на вузовский учебник по

истории КПСС, который с начала шестидесятых и до середины восьмидесятых годов являлся одним из главных идеологических текстов идеократической советской системы.

Прежде всего обратимся к контекстуализации незабвенного учебного пособия – «Истории КПСС». В пятидесятые-шестидесятые годы, в условиях частичной десталинизации общества, изменившей социально-культурную атмосферу, «большой стиль» – а именно в его регистре исполнен «Краткий курс» – утрачивает свой универсализм: «Если Сталин создал тотальный стиль, то Хрущёв внедрил в жизнь не менее важное – эклектику, бесстилье. То есть внёс идею альтернативы» [2, с. 228]. Исторический официоз подвергается коррозии вследствие нарастающей делегитимизации партийно-государственного правления. Об этом сигнализировали: использование «эзопова языка» в исторических сочинениях, призванное замаскировать неортодоксальные подходы; попытки расшифровки и переинтерпретации смыслов, вкладываемых в понятия классического марксизма; распространение различных форм контркультуры, включая интеллигентский фольклор, в котором возвышенная патриотика разменивалась на циническую интерпретацию нормативных образов истории, а также новейшего городского романа, плодившего аллюзии на деспотизм и моральную ущербность современных властителей (см. [3]).

Впрочем, не стоит преувеличивать степень внутреннего противодействия насаждению политико-исторической мифологии. Последняя культивировалась на монопольной основе посредством многоуровневых коммуникаций с общественным сознанием. Дискурс поздней коммунистической власти отмечен неартикулированной идеей общественного договора, свидетельствующей о смене «красной» автократии диктатурой «секретариата». Управленческая бюрократия – согласно логике движения сообщества, организованного на иерархически-редистрибутивных основаниях, – втягивалась в процессы «первоначального накопления» номенклатурно-корпоративного капитализма¹.

Коммунистическая идеократия не нуждалась более в активистской мобилизации общественного сознания. Скорее наоборот, проявляла заинтересованность в его «подмораживании». Усилия пропаганды сосредоточивались на обосновании литературного конструкта развитого социализма. Его разработка отвечала стремлениям партократии заретушировать эгалитаристские императивы третьей программы партии², набросить покров на утрату экономического ди-

¹ В отечественной экономической и историко-социологической литературе рассматриваются различные стороны трансформации государственно-монопольной собственности и социально-культурной мутации элит (см. [4–6]).

² Заметное приглушение уравнилельных мотивов, свойственное идеологии позднего социализма, своеобразно отозвалось в воспоминаниях В.Г. Афанасьева, занимавшего в 1976–1989 гг. пост главного редактора газеты «Правда». Он наивно объясняет выдвижение концепции «развитого социализма» лишь некой эйфорией, головокружением от успехов, охвативших Брежнева и его приближённых. Афанасьеву, по его словам, «приходилось кривить душой», участвуя в этой пропагандистской акции. Показательна аргументация, к которой бывший редактор главной партийной газеты прибегает для оправдания своего двоедушия: «Во всей этой кампании вокруг "развитого социализма" меня реабилитирует в какой-то степени одна, в принципе довольно простая вещь. "Развитой социализм" – заметный, весомый шаг к реальности, отходу от утопического хрущёвского "периода развёрнутого строительства коммунизма", периода почти фантастического, когда именитые академики с самым серьёзным видом спорили о том, с чего начнётся этот коммунизм: то ли с бесплатных обедов, то ли с распределения "по потребности" хлеба, соли, трамвайных билетов» [7, с. 25–26].

намизма¹. Картина современности предстала в виде бескризисного развития сплочённого социума, где этнокультурные различия интегрируются морально-политическим единением². Революционные деяния большевизма, пропущенные сквозь призму обновлённой идеологии, отходят в область исторических преданий, утрачивают связь с настоящим временем и его задачами³.

В рамках предлагаемого властью социального контракта от советских людей требовалось лояльное отношение к идейно-политической бутафории в обмен на стабильность и социальные гарантии. Вполне объяснимы оплаченные собственными драматическими судьбами морализаторские инвективы тех немногих интеллектуалов, кто отказался «подписывать» соглашение: «тупо молчала страна», её интеллигенция, и «на их самовлюблённом конформизме, на их самооправданиях, на их всеядности» режим «продержался лишних тридцать лет» [12, с. 196–197]. Между тем этот вариант общественного консенсуса был укоренён в историко-культурных обстоятельствах развития страны. Пережившей масштабный государственный террор. Лишённой независимой от власти частной собственности. Соответственно – гражданского общества, способного навязать управленческой бюрократии иной путь перемен⁴.

Критерием и условием заключения «социальной сделки» между управляющими и подвластными выступала их общая причастность советскому «новоязу», коллективизированному слогану, в котором слова живут независимой от смыслов жизнью. Дело не только в том, что советский язык во имя властных целей симулирует реальность (а затем и переходит к «знакам, скрывающим, что ничего нет») [14, с. 328]. Или «создаёт иллюзию симбиоза между властью и управляемыми, рождает чувство единства по отношению к внешнему миру» [15, с. 293]. В условиях послесталинского – можно сказать, «третьего» – больше-

¹ К середине 70-х годов резервы устойчивого роста советской экономики в рамках сложившейся организационно-хозяйственной модели были исчерпаны. Снижение темпов экономического роста, маскируемое скрытой инфляцией, сопровождалось замедлением динамики эффективности производства и снижением реальных доходов населения (см. [8]).

² В идеологической сфере акцент постепенно переносится со стереотипов вражеского окружения и «светлого будущего» на стабильность и социальные гарантии. Только на этом этапе появляются представления о «соборовском» характере социализма, в котором слабые стимулы к труду являются следствием избытка социальных гарантий, а «не имманентными особенностями социалистического экономического механизма» [9, с. 426–427].

³ В.М. Молотов с позиций большевизма иных времён упрекал советских руководителей периода правления Брежнева в том, что они «отупели в своём мелкобуржуазном мещанстве», а «социализм сейчас так поправили, что места для революции не осталось». В своей логике он весьма последователен: «Мне кажется, не совсем правильно повторение против уравниловки – в какой-то мере должна быть обязательно уравниловка» [10, с. 449, 570, 602] (см. также [11]). Сталинский нарком отдавал себе отчёт в социальной обусловленности «излишеств» и «крайностей» времён медуновых («Медунов – вы на него посмотрите, что в нём коммунистического?»). Рассуждая в категориях эпохи социалистических мобилизаций, он усматривал в происходящем сговор, взаимное тяготение двух сил: пришедших к власти «правых» – замаскированных врагов коммунистической революции, носителей мелкобуржуазной идеологии, с одной стороны, а с другой – «подавляющего большинства», так и не освободившегося вследствие общей отсталости и крестьянского естества России от мещанских, кулацких настроений. Посему устремлённого к «более спокойной», «более лёгкой» жизни, нежели та, которую сулит революционный социализм (см. [10, с. 393, 432, 433, 449, 540–541 и др.]).

⁴ «За три поколения, – рассуждает философ, – люди привыкли к системе, прижились в ней – я говорю о тех, кто не погиб, не сошёл с ума и не уехал, когда это стало возможным». Этой системе, по существу, не было политического сопротивления, в реальном смысле этого слова, и когда оно появилось в шестидесятых, то тоже не было *политическим* по определению. Словом, при ней можно было как-то жить – это она *сама* не могла продолжать так жить. Она буквально *распалась*, никто её и пальцем не тронул, ни внутри, ни снаружи» [13, с. 384]. Заметим, что философская точка зрения на причины распада системы (она «постарела») не конкурирует с историческим и экономическим истолкованиями этого вопроса: в метафизике свои координаты.

визма складывается речевой канон не иллюзорного, а реального симбиоза, взаимоприемлемого существования «верхов» и «низов». В качестве ключевого слова эпохи выделяется «нормально» – слово-символ, синоним всего советского¹. Знак конформизма и согласия на участие в игре, правила которой навязывает власть.

Западные социальные историки, рассматривающие советское общество в виде системы взаимодействий политического руководства и ведомств с одной стороны и общества – с другой, используют для обозначения блока этих сил периода режима Брежнева понятие «большая сделка», которая числится под номером вторым. Номер первый присвоен «большой сделке» между партией-государством и новой советской элитой во времена сталинского большевизма; иногда соглашения времён застоя иронически именуют «маленькой сделкой». Её истоки усматривают в ответе брежневского руководства на социальную «угрозу» со стороны многих членов сложившегося в послевоенное время городского и высокообразованного общества, требовавших социальных и политических перемен (см. [17]).

При этом упускается из виду то решающее обстоятельство, что управленческий служилый класс нуждался в очередных «двадцати годах покоя» для всесторонней подготовки узаконенного присвоения государственно-монопольной собственности. Эти два-три десятилетия оказались вовсе не «лишними», как это полагает В.К. Буковский, а исторически-функциональными. Отсюда организационно-хозяйственное наполнение «малой сделки» (в действительности – самой крупной по масштабам и «судьбоносной» по последствиям социальной рефлексии режима). Бюрократические кланы оседлали «чёрный» и «серый» рынки. «Рабочие и служащие» – в качестве «несунов», «частников», разлагавших низовые звенья аппарата всегдашней готовностью «подмазать», – довольствовались мелким воровством на государственных объектах и ограниченной частнопредпринимательской деятельностью.

Вместе с тем сожительство держащих бразды правления и находящихся под властью было отмечено напряжениями, связанными с общественной реакцией на его «добровольно-принудительный» характер (оксюморон, представленный в речевом обиходе того времени). По мере сокращения государственных ресурсов, необходимых для поддержания «нормы», во всех слоях общества, включая управленческие страты, усиливаются разочарование и отчуждение от системы. Поэтому «для описания дел в стране советская элита с конца 70-х годов пользовалась, как и весь народ, одним словом – маразм» [6, с. 208]. Однако этот «маразм» не составляет внятной оппозиции упомянутому «нормально». Скорее гасится последним, дополняет его, хотя и не утрачивает своей знаковой автономности².

¹ На вопрос, как дела, советский человек отвечает «нормально». Степень симулятивности этого ответа гораздо выше, чем в речевой практике Запада. Там в подобной ситуации звучит «хорошо». Оба знака – из разряда незначущих. Но если «хорошо» лишь искажает реальность, то «нормально», с семантической точки зрения, уничтожает сам принцип реальности. Это «нормально» равносильно молчанию [14, с. 329; 16].

² А.Н. Яковлев высказывает соображение о состоянии позднесоциалистического общества: «Думаю, продолжайся застой и дальше, мы ещё не скоро встретились бы с социальным взрывом, хотя он был исторически неизбежен... Но росло бы мелкое и крупное воровство, увеличивалась бы апатия, и тем самым все болезни общества загонялись бы на такую глубину, из которой просто не могло быть быстрого и неразрушительного выхода. А возможно, и выхода вообще» [19, с. 150].

На фоне разброса оценочных слов-фетишей в языковом существовании страны целостность и внутреннюю непротиворечивость сохраняет доступный контролю внутренний язык системы – её социально-политический жаргон, пронизывающий все сферы жизни общества. Система становится заложницей своего лексикона. Она не может придать ему самоохранительную пластичность, стилистически подверстать его к уже изменившимся общим сферам языка без риска утраты смысла большевистской легенды истории. Навязчивый тезис о наступательном характере советской идеологии явился проявлением типичной для логократии обратной семантики: оппоненту приписываются черты и способы действий, отражающие положение критикующей стороны. Госмонополярная идеология сама уходит в глухую оборону.

Окостенение идеологии, сведение её к системе внешних ритуалов в общем виде связаны с долговременными процессами поглощения государством революции, его породившей, боязнью системы «подобных революционных выступлений, которые теперь, очевидно, могли быть направлены только против неё, против коммунистического государства» [6, с. 108]. На последнем этапе существования советского строя идейно-охранительная позиция управленческих эшелонов подкрепляется новой мотивацией, продиктованной стремлением заблокировать любые попытки вникнуть в смыслы нарастающих предкапиталистических тенденций, отгородить их забором идеологического обскурантизма. Система поддерживает теперь такую лингвокультуру, которая отвечает стратегии предприватизации собственности под «чужим флагом». В 70-е – начале 80-х годов происходит запредельная бюрократизация официального языка. Он освобождается не только от конструктивистско-романтических импровизаций в духе раннего большевизма, но и от элементов эмоционально-экспрессивного репертуара, свойственных «большому стилю» сталинской эпохи.

Непревзойдённые образцы фиктивной риторики демонстрировал главный теоретик партии М.А. Суслов¹. Он воспринимал даже намёки на неортодоксальную мысль и живое слово как посягательство на идеологические устои. Субъективные устремления «серого кардинала» от политбюро, его представления о способах укрепления коммунистической власти объективно совпадали с перспективными задачами перерождающейся управленческой бюрократии. В первую очередь – «хозяйственников», «хозаппарата», которые всё более овладевали властно-управленческими рычагами, оттесняя на вторые роли партийных аппаратчиков и идеологов².

---

¹ Стилистика и фразеология Суслова нашли своего оппонента в лице Р. Медведева, настроенного тем более критично, что известный историк выступает с «подлинно социалистических» позиций. Согласно им догматик Суслов предстает в качестве одного из основных виновников искажения социалистической идеи. «Читать их (труды Суслова. – В.Б.) подряд невыносимо скучно, одни и те же выражения и идеологические штампы «кочуют» из одной речи в другую. Суслов как будто сознательно избегает ярких мыслей и сравнений, он не употребляет шуток, и его выступления почти никогда не сопровождаются ремарками вроде «смех», «громкий смех», «движение в зале», «оживление» и т. п.» [20, с. 191–192].

² А.Н. Яковлев, усматривая основу пирамиды советской власти в триумvirате, состоящем из партаппарата, хозаппарата и аппарата насилия, подчёркивает, что «хозяйственный аппарат неумолимо шёл к тому, чтобы взять верх над двумя другими участниками триумvirата. Что и произошло в действительности. У него появились интерес и возможность поднять под себя, заставить служить себе и партаппарат, и аппарат насилия. Конечно, у аппарата партии и аппарата насилия оставались рычаги, достаточные для того, чтобы обуздать любого конкретного хозяйственника, но не хозаппарат в целом» [19, с. 225].

Предметом особой заботы логократических инстанций являлись учебные пособия, поскольку отступления от идеологического пустословия таили угрозу пробуждения критической мысли в молодёжной среде. Идеологический идеал эпохи нашёл своё выражение в едином вузовском учебнике истории КПСС, примитивизированной дисциплины, сцентрированной на движении партийно-государственного организма. «История КПСС» начала 60-х годов контрастирует с публицистикой, литературой, вдохновлявшимися идеей обновления социализма. Время находит свой пароль в мифе «ленинской правды», но он вызывает лишь слабый отклик в учебном тексте: его содержательную часть венчает звучащее в возвышенном тоне утверждение (в изданиях периода диктатуры «секретарей обкомов» оно уже опущено): «Силы коммунизма неисчерпаемы. На его стороне правда жизни, правда истории. Передовые люди всех стран мира связывают всё самое лучшее, самое светлое с коммунизмом!» [21, с. 754].

На проблему эволюции официальной лингвы проливает свет один и тот же сюжет, представленный в двух учебниках. В «Кратком курсе» для негативной характеристики правительственного Манифеста 17 октября 1905 года использован образ, опирающийся на рифмованные строки: «Тогда в ходу была в народе такая песенка о манифесте царя:

Царь испугался, издал манифест:
Мёртвым свобода, живых – под арест.

Большевики разъясняли массам, что манифест 17 октября – ловушка» [22, с. 75]. В «Истории КПСС» эта «песенка» опущена, скажем так, из опасения вызвать ассоциации с новейшими «оппозиционными» зонгами. Заодно с этим стихотворным примером исчезает зычная метафорическая «ловушка». Она заменяется обеднённо-канцелярским выражением «много лживых обещаний» (относительно содержания Манифеста 17 октября) [21, с. 99].

Стихотворные формы в виде редкого исключения присутствуют в «Истории КПСС», но теперь цитируются только классики соцреализма. В учебнике хрущёвских времён звучит (и сохраняется в последующих изданиях) строчка Н.С. Тихонова, которая в новой, послесталинской, общественно-культурной обстановке воспринималась уже с оттенком пародии:

Гвозди б делать из этих людей –
Крепче б не было в мире гвоздей [21, с. 146].

Цитата продуцирует гештальт-образы, порождаемые народной фразеологией и смеховой культурой: «гвоздём не вышибешь» (дурь из головы); «сидеть гвоздём в голове» (о неотступно преследующей мысли, затее); «парень-гвоздь» (так можно сказать об упрямом и недалёком человеке). Но учебник глух к юмористическим интонациям, он сам выглядит как тяжеловесная идеологизированная пародия на действительность.

Стремление к упразднению исторической реальности в историко-партийном руководстве нарастает от издания к изданию. Обобщающие суждения, формирующие монологично-схоластическую стилистику пособия, сцеплены на основе периодизации, изменяющейся под воздействием конъюнктуры. Теоретизированные обобщения выступают теперь в качестве не столько средства развёртывания исторической мифологии, сколько способа сообщения об этой мифоло-

гии. Вплоть до пятого издания включительно (копирайт 1976 года) в ключевом абзаце сюжета, посвященном принятию XXII съездом третьей программы партии, подчёркивается основной замысел этого документа: «Программа, принятая съездом, – это программа строительства коммунизма. Она опирается на принципы марксизма-ленинизма, творчески обогащает практику строительства социализма в СССР и других социалистических странах, учитывает опыт революционного движения во всём мире и выражает коллективную мысль партии» [23, с. 590]. В шестом издании учебника идейно-коммунистические обертоны уже понижены. Пропадает строка, информирующая о строительстве коммунизма в качестве исторической цели, выдвинутой в программном документе: «Программа, принятая съездом, опирается на принципы марксизма-ленинизма...» (далее тексты изданий совпадают) [24, с. 567]. В «Предисловии» к шестому изданию пока удерживается информация о третьей программе как документе, предусматривающем построение коммунистического общества в СССР [24, с. 5]. Зато в следующем, седьмом издании руководства это положение уже исчезает. Как и выражение «интересы победы коммунизма в СССР» из другого абзаца того же «Предисловия» [25, с. 5].

Но и это не всё. В седьмом издании историческая цель программы партии не просто вуалируется, но и подвергается перекодировке. Её средством выступает «уточнение» смысла поставленных в этом партийном документе основных задач. Знакомясь с содержанием шестого издания, читатель ещё может узнать, что построение коммунизма «связано с решением трёх взаимосвязанных исторических задач: создание его материально-технической базы, развитие коммунистических общественных отношений и воспитание нового человека» [24, с. 568]. В следующем издании эти программные задачи утрачивают непосредственную связь с «высшей фазой», оказываются социалистическими, а не коммунистическими по своему содержанию: «Программа нацелила партию и народ на решение трёх взаимосвязанных задач: всемерное развитие материально-технической базы социализма, совершенствование социалистических общественных отношений и воспитание нового человека» [25, с. 563]. Сама по себе, в логико-смысловом измерении, формулировка задачи сотворения «нового человека» является нейтральной по отношению к идее двух этапов коммунистической формации. Поэтому в изменённом контексте «новый человек» тоже «остаётся» в социализме.

Перед нами достоверное свидетельство упадка ключевого слова советского марксизма – «коммунизм». Теперь его употребление оказывается нежелательным, поскольку препятствует необходимому режиму затемнению общественного сознания и способно вызвать критическую рецепцию молодых умов. Новая культура истории, распрощавшаяся с героическими аллюрами, становится имитационно-конформистской по своему характеру.

Подходы к написанию учебников были едиными для всех ступеней образования. В отвлечённо-обезличенном «Введении» учебника истории для старшеклассников задаётся основной вывод, который должны усвоить школьники: «В процессе строительства социалистического общества складывалась новая историческая общность людей – советский народ, общность трудящихся людей разных наций и народностей СССР. Социально-классовое единство рабочих,

крестьян и интеллигенции, интернациональная сплочённость всех социалистических наций и народностей, их нерасторжимое единство, братская дружба и сотрудничество – это основа советской общности людей, источник силы советского народа» [26, с. 6]. Демонстрирующие теориевидное менторство авторы не рассчитывают на интеллектуальную рецепцию и эмоциональный отклик учащихся, приучая их к ритуальному жонглированию нерелевантными знаками.

По любым педагогическим меркам в учебных прописях недопустима тавтология. Здесь она целенаправленно используется. В приведённом отрывке термин «общность» звучит три раза, а будучи синонимически размножен, охватывает одну пятую всего объёма текста. Понятия-фантомы обслуживают не историю, а её «контурную карту». При описании периода 20–30-х годов имя Сталина, наиболее проблематичной фигуры отечественного историознания XX века, упомянуто лишь единожды, в качестве одного из виднейших деятелей партии и государства, внесших большой вклад в осуществление индустриализации страны [26, с. 229].

Такой учебник истории оказался не в состоянии удовлетворительно решить свою академическую задачу, что отчётливо обнаружилось в ходе квалификационных испытаний, предусмотренных при поступлении на гуманитарные специальности. Смикшировать ситуацию призвано было подготовленное в середине 70-х годов – в ранге учебного пособия с министерским «грифом» – руководство для поступающих в вузы. В содержащемся в нём обобщении практики испытаний абитуриентов фактически оценивается не столько уровень их подготовки, сколько качество учебников, которыми они пользовались: «Опыт приёма вступительных экзаменов показывает, что многие поступающие не имеют ясного представления о процессе исторического развития, слабо понимают его объективные закономерности, недостаточно твёрдо знают конкретный фактический материал и не умеют его анализировать» [27, с. 3]. Однако само пособие по основным характеристикам мало чем отличается от своих школьных аналогов (выпускники времён «развитого» социализма вынуждены были обращаться к вузовским специализированным учебникам, раздобыть которые было затруднительно, прибегать к помощи репетиторов и т. д.).

Тяготеющий к метафизическим обобщениям Франклин Анкерсмит, рассуждая о языке как условии опыта и знания, произнёс: «Есть глубокая истина в том, что мы прекращаем говорить, только когда умираем; когда нечего больше сказать, мы мертвы» [28, с. 6]. «Третьему» большевизму сказать было нечего.

Summary

V.M. Bukharaev. Higher Education Institution Textbook on CPSU History as an Ideological Text of the “Third” Bolshevism.

The article presents historical and sociolinguistic analysis of discursive practices of the higher education institution textbook on CPSU History. The textbook is one of the key ideological texts of Post-Stalinist, “Third” Bolshevism. Emphasis is made on contextualization of the given official script. Content evolution of the “History of CPSU”, heir of the “History of the CPSU(B) Short Course” in 1960s – early 1980s is viewed. Conclusion is made about the formation of the ideologized lingvoculture reflecting the trends of development of the Soviet-party system. These trends are stated to have been shaped first of all by the elite groups pri-

vativizing the “people’s property” under the “alien flag”. Thus, the research contributes to developing sociocultural studies of the 20th-century Russian society.

Key words: “places of historical memory”, discourse analysis, ideologised linguaculture, counterculture, “Aesopian” language, social bargain, «big style», gestalt-image, educational text on history, sociolinguistic analysis, “Lenin’s truth” myth, communism as key word of Soviet Marxism.

Литература

1. *Зверева Г.* Конструирование культурной памяти: «наше прошлое» в учебниках российской истории // Новое лит. обозрение. – 2005. – № 4. – С. 67–85.
2. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 368 с.
3. *Бухараев В.М., Жигунин В.Д.* «Замещённое» сознание: историческая мысль против моноидеологии (60–80-е годы XX века) // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 552–563.
4. *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: Анатомия застоя / Сост. и общ. ред. Т.А. Ноткиной. – М.: Прогресс, 1991. – С. 31–62.
5. *Стариков Е.Н.* Общество-казарма от фараонов до наших дней. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 420 с.
6. *Гайдар Е.Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. Государство и эволюция. Дни поражений и побед. – М.: Евразия, 1997. – 558 с.
7. *Афанасьев В.* 4-я Власть и 4 Генсека: От Брежнева до Горбачёва в «Правде». – М.: КЕДР, 1994. – 126 с.
8. *Белоусов А.* Структурный кризис советской индустриальной системы // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 1. Россия как предмет. – М.: Аргус, 1995. – С. 131–164.
9. *Гайдар Е.Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. Экономические реформы и иерархические структуры. Аномалии экономического роста. Избранные статьи и выступления. 1988–1995. – М.: Евразия, 1997. – 783 с.
10. *Чуев Ф.И.* Молотов: Полудержавный властелин. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 734 с.
11. *Никонов В.* Молотов вспоминает: Из домашнего архива // Субботник НГ. Еженедельное приложение к «НГ». – 2000. – № 8. – 4 марта.
12. *Буковский В.* «Московский процесс». – М.: МИК, 1996. – 528 с.
13. *Пятигорский А.М.* Избранные труды. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 590 с.
14. *Медведев С.* СССР: деконструкция текста (К 77-летию советского дискурса) // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 3. Россия как идея. – М.: Аргус, 1996. – С. 315–346.
15. *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. – М.: МИК, 1994. – 336 с.
16. *Сорокин В.* Норма. – М.: OBSCURI VIRI и изд-во «Три кита», 1994. – 256 с.
17. *Dunham V.* In Stalin’s Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. – London – New York – Melbourn, 1976. – 462 p.
18. *Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941 / Пер. с англ. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та 1994. – 142 с.
19. *Яковлев А.Н.* Горькая чаша: Большевизм и Реформация. – Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1994. – 464 с.

20. *Медведев Р., Ермаков Д.* «Серый кардинал». М.А. Суслов: политический портрет. – М.: Республика, 1992. – 238 с.
21. История Коммунистической партии Советского Союза / Под ред. Б.Н. Пономарева. – Изд. 2-е, доп. – М.: Политиздат, 1962. – 784 с.
22. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М.: Правда, 1938. – 352 с.
23. *Пономарев Б.Н., Волин М.С., Зайцев В.С. и др.* История Коммунистической партии Советского Союза. – Изд. 5-е, доп. – М.: Политиздат, 1979. – 800 с.
24. История Коммунистической партии Советского Союза / Под ред. Б.Н. Пономарева. – Изд. 6-е, доп. – М.: Политиздат, 1982. – 783 с.
25. *Пономарев Б.Н., Волин М.С., Зайцев В.С. и др.* История Коммунистической партии Советского Союза. – Изд. 7-е. – М.: Политиздат, 1984. – 784 с.
26. *Берхин И.Б., Федосов И.А.* История СССР: Учебник для 9-го кл. / Под ред. М.П. Кима. – М.: Просвещение, 1981 – 383 с.
27. *Мальков В.В.* Пособие по истории СССР для поступающих в вузы. – М.: Высш. шк., 1979. – 368 с.
28. *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – 612 с.

Поступила в редакцию
19.06.08

Бухараев Владимир Миннетович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета.
E-mail: *Sovetnik101@yandex.ru*